

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2007 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/55/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2007 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

БАЙСАЕВА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 74237/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

5 апреля 2007 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ

24 сентября 2007 г.

По делу Байсаева против России

Европейский Суд по Правам Человека (Первый Отдел) на заседании Палаты, проведенном 1 декабря 2005 г. в составе:

Г-н К.Л. Розакис, *Президент*,

Г-н Л. Лоукайдес,

Г-н А. Ковлер,

Г-жа Е. Стайер,

Г-н Х. Хаджиев,

Г-н Д. Шпильман

Г-н С.Е. Джебенс, *судьи*

и г-н С. Нильсена, *Секретарь Секции*,

проведя обсуждение при закрытых дверях 15 марта 2007 г.,

выносит следующее постановление, принятое в указанный выше день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой (№74237/01) против Российской Федерации, поданной в Суд по Статье 34 Конвенции о защите Прав Человека и Основных Свобод («Конвенции») гражданкой России Асмайт Байсаевой («Заявительница») 24 августа 2001 г..

2. Заявительницу в Суде представляли юристы Фонда «Правовая Инициатива по России» («SRJI»), неправительственной организацией, базирующейся в Нидерландах и имеющей представительство в России. Российское Правительство («Правительство») было представлено своим Агентом, г-ном Лаптевым, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

3. Заявительница утверждала, что ее муж «исчез» после задержания российскими военнослужащими в марте 2000 г. в Чечне. Она сослалась на Статьи 2, 3, 5, 6, 13 Конвенции.

4. Решением от 1 декабря 2005 г. Суд признал жалобу приемлемой.

5. Заявительница и Правительство представили ряд письменных комментариев и ходатайств (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

6. Заявительница Асмагт Магомедовна Байсаева, 1958 г. рождения, проживает в селе Побединское, Грозненского района Чеченской Республики

А. Обстоятельства дела

7. Фактические обстоятельства данного дела частично оспариваются сторонами и могут быть суммированы следующим образом..

1. “Исчезновение” мужа заявительницы

8. Заявительница проживает в селении Побединское Грозненского района Чеченской Республики. Муж Заявительницы, Шахид Радиевич Байсаев, 1939 г. рождения, работал в селе Подгорное (также известное под названием Собанчеевки) механиком в муниципальном автотранспортном предприятии. Заявительница была замужем на протяжении 25 лет, и у нее и Шахида Байсаева было пятеро детей.

9. 2 марта 2000 г. муж Заявительницы отправился на работу приблизительно в 6 часов 30 минут утра. Дорога в село Подгорное пролегла через блок пост российских вооруженных сил, который в то время был известен как блок пост №53, и рядом с которым дислоцировалось военное формирование.

10. Около 10 часов утра того же дня Заявительница услышала звуки выстрелов и взрывов, доносившиеся со стороны дороги. Она вышла наружу и увидела, что конвой военных автомобилей подвергся атаке. Позднее она узнала, что нападение было совершено на конвой ОМОНа (Отряда Милиции Особого Назначения) из г. Сергиева Посада Московской области. Перестрелка продолжалась приблизительно до 1 часа дня. Позднее стало известно, что конвой был по ошибке обстрелян другим подразделением российских федеральный войск, в частности, отрядами ОМОНа из г. Подольска и из Свердловской области. В результате перестрелки 20 военнослужащих были убиты и более 30 были ранены. В тот же самый день, по окончании перестрелки, была проведена военная операция по «зачистке» села Подгорное, из которого начался обстрел по конвою.

11. Во время перестрелки и после нее, до самой ночи, блок пост №53 оставался закрытым, и дорога на село Подгорное была перекрыта. Заявительница оставалась в 500 метрах от блокпоста вплоть до 8 часов вечера, но так и не смогла пройти в село Подгорное. В тот вечер ее муж не вернулся домой. С тех пор она его не видела.

12. На следующий день, около 5 часов утра, Заявительница пришла к блокпосту и увидела последствия перестрелки случившейся накануне: сожженные автомобили конвоя военных, тела убитых солдат и лужи крови. В тот же самый день и в последующие дни Заявительница опросила множество свидетелей, пытаясь выяснить, что случилось с ее мужем. Она не сохранила записей о проведенных ею беседах, так как она и не думала в то время, что они могут впоследствии ей пригодиться.

13. Со слов свидетелей Заявительница поняла, что в результате проведенной операции по зачистке российскими военными было задержано значительное число жителей, более 50-ти человек. Все задержанные были доставлены в Старопромысловский Временный Отдел Внутренних Дел (ВОВД). Один из свидетелей сказал Заявительнице, что видел, как в селе ее мужа, Шахида Байсаева, задержали российские военные. По словам свидетеля, ее муж страдал от боли, так как его, по всей видимости, избили.

14. 4 марта 2000 г. Заявительница встретила с рядом мужчин, которые были задержаны 2 марта 2000 г. в селе Подгорное, и которые были позднее отпущены. Они опознали мужа Заявительницы по фотографии, и подтвердили, что его задержали солдаты на блок посту №53, после чего его куда-то увезли. Они не видели его в ВОВД, в расположение которого были доставлены сами.

15. Другие свидетели сказали Заявительнице о том, что ее муж, по окончании работы в селе Подгорное, возвращался домой. Однако солдаты не дали ему пройти через блок пост из-за происшедшей ранее перестрелки. Он вернулся в Подгорное, где его задержали во время проведения операции по зачистке села. Во всей видимости, муж Заявительницы, стал свидетелем убийства российскими солдатами двух братьев О., и попытался вмешаться в происходившее на стороне братьев. В результате солдаты избили его, надели ему на голову мешок и увезли его в неизвестном направлении. В сентябре 2000 г. местная администрация села Подгорное выдала Заявительнице справку о том, что братья О. были убиты 2 марта 2000 г. во время проведения в селе операции по зачистке. Заявительница показала, что позднее, она нашла дом братьев в селе. Дом был закрыт и заброшен. Местные жители рассказали ей, что отец братьев был убит приблизительно за месяц до проведения операции по зачистке неизвестным стрелком. Их мать после гибели своей семьи перенесла тяжелое психическое расстройство. Заявительнице не удалось найти родственников братьев О.

16. Еще один свидетель рассказал Заявительнице о том, что видел ее мужа, который был в крови, на блок посту №53, во время перестрелки.

17. Заявительница попыталась выяснить на блок посту №53 о том, задерживался ли там ее муж. Однако солдаты сказали ей о том, что состав военнослужащих на посту сменился на новый, и поэтому им ничего не известно о задержанных.

18. Правительство в своем Меморандуме от 28 апреля 2004 г. указало, что было установлено, что 2 марта 2000 г. в селе Подгорное имела место перестрелка, в которой принимали участие подразделения федеральных сил, и в результате которой погибли военнослужащие ОМОНа из г. Сергиев Посад Московской области. Незамедлительно, сразу же по окончании перестрелки, в селе Подгорное была проведена специальная операция для установления членов незаконных вооруженных формирований, принимавших участие в засаде и нападении на представителей федеральных сил. Задержанные были доставлены в Старопромысловский ВОВД. Однако Шахид Байсаев не числился в списках задержанных. Его имени также не было в списках задержанных и доставленных в расположение других Отделов Внутренних Дел на Северном Кавказе.

2. Поиски Шахида Байсаева и расследование уголовного дела

19. Начиная со 2 марта 2000 г. Заявительница неоднократно обращалась в прокуратуры различных уровней, в Министерство Внутренних Дел, в местные органы власти и управления в Чечне, к Специальному Представителю Президента Российской Федерации по Соблюдению Прав и Свобод Человека. Заявительница предоставила ряд копий писем, направленных ею в органы

государственной власти, в которых она излагает обстоятельства исчезновения своего мужа и просит предоставить ей информацию о ходе расследования и оказать помощь в его поисках. Она также лично обращалась в прокуратуру г. Грозного (куда ей приходилось идти пешком, несмотря на расстояние в 35 км. в одну сторону), в Старопромысловский ВОВД и в главную военную базу российских федеральных сил в Ханкале.

20. Заявительница получила из официальных органов незначительное количество имеющей значение информации относительно расследования исчезновения ее мужа. Ей неоднократно направлялись копии писем, уведомлявших ее о том, что направленные ею запросы переданы для рассмотрения в прокуратуру г. Грозного.

21. 3 марта 2000 г. Заявительница лично обратилась в Старопромысловский ВОВД и встретила с его начальником, г-ном Д. Тот вызвал одного из сотрудников, который подтвердил, что видел указанного на фотографии человека, а именно мужа Заявительницы. Однако, по его словам, тот не был доставлен в ВОВД. Он сказал Заявительнице о том, что ее муж будет доставлен в ВОВД 7 марта 2000 г. в 11 часов утра и отпущен. 7 марта 2000 г. Заявительница вновь пришла в ВОВД и прождала там до 5 часов вечера, однако не получила никаких известий о своем муже. Позднее ей сказали, что офицер Д. выехал из Чечни в связи с окончанием срока своей служебной командировки в данном регионе.

22. 4 марта 2000 г. Заявительница лично обратилась к следователю прокуратуры г. Грозного, который, по всей видимости, вел расследование уголовного дела об убийстве братьев О. С просьбой помочь ей в поисках мужа.

23. 8 марта 2000 г. Заявительница обратилась к начальнику Старопромысловского ВОВД и к главе Старопромысловской районной администрации с просьбой оказать ей помощь в поисках мужа.

24. 16 марта 2000 г. Заявительница попыталась пройти в расположение военной прокуратуры в Ханкале, однако ей не позволили войти туда.

25. 30 марта 2000 г. Заявительница обратилась с письмом в прокуратуру г. Грозного, к военному коменданту Чечни, к Военному Прокурору Республики, к мэру г. Грозного с просьбой предпринять меры по установлению местонахождения ее мужа.

26. 31 мая 2000 г. прокуратура Чечни обратилась с письмом к главе Управления МВД Чечни с просьбой организовать поиски 30 пропавших без вести человек, запросы о проведении которых были получены от их родственников, включая Заявительницу. В письме содержалась просьба проинформировать о результатах предпринятых поисков. Копия данного письма была направлена Заявительнице.

27. 1 июня 2000 г. Заявительница лично обратилась в прокуратуру г. Грозного. Следователь поговорил с ней и попросил ее прийти снова через две недели. Когда Заявительница вернулась в указанное время в прокуратуру, он сказал ей, что ее муж был задержан военнослужащими Подольского ОМОНа 2 марта 2000 г. и доставлен в расположение их базы у села Подгорное в тот же день, между 12 и 2 часами днями. Он также сказал Заявительнице о том, что существует видеозапись, подтверждающая данную информацию. Прокуратура г. Грозного возбудила уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 126 УК РФ (похищение). Заявительница показала, что следователь, с которым она разговаривала, не работал в прокуратуре уже в сентябре того же г., и, что после того, как расследование было передано другому следователю, в нем не было сделано никакого прогресса.

28.28 июня 2000 г. Заявительница обратилась к Специальному Представителю Президента Российской Федерации по Соблюдению Прав и Свобод Человека в Чеченской Республике, а также к прокурору Чечни. Она просила предпринять меры для установления местонахождения ее мужа и сообщить ей о полученных результатах.

29. Принимая во внимание то, что Заявительнице не удалось получить известий о своем муже, и, учитывая обстоятельства его задержания, она пришла к выводу о том, что его нет в живых. Она начала поиски его тела в местах захоронений погибших во время военного конфликта.

30. До 5 мая 2000 г. Заявительница неоднократно, совместно с сотрудниками Старопромысловского ВОВД и Министерства по Чрезвычайным Ситуациям, посещала местность, расположенную возле блокпоста №53, откуда ими было перевезено более трех десятков тел.

31. Заявительница также ездила с сотрудниками ВОВД и в другие места доставки тел, которые, по всей видимости, были сброшены представителями федеральных сил и позднее обнаружены. Она также посетила другие населенные пункты, включая села Комсомольское и Знаменское. Заявительница утверждает, что ею было осмотрено более 400 трупов, однако, она так и не нашла тело своего мужа.

3. Видеопленка и фотографии Шахида Байсаева

32. В начале августа 2000 г. (точная дата неизвестна), около 5 часов вечера, Заявительница шла домой. По дороге, недалеко от блокпоста №53, возле нее остановился белый автомобиль марки Жигули. Находившийся в машине мужчина, который был в камуфляжной форме одежды и с маской на лице, приказал Заявительнице стать на колени спиной к машине. При этом он говорил по-русски и без какого-либо акцента. После того, как Заявительница подчинилась, он сказал ей, что если она желает узнать о том, кто стоит за исчезновением ее мужа, она должна принести ему 5 тысяч рублей на следующий день.

33. Заявительница собрала деньги. На следующий день она увидела ту же самую машину на том же самом месте. Заявительница утверждает, что на этот раз в машине был другой человек. Он показал ей на маленьком телевизоре, установленном в машине, отрывок из видеозаписи, на котором Заявительница узнала своего мужа. На записи было видно, что ее муж Шахид Байсаев, лежит на земле, его пинает солдат и приказывает ему встать, и его ведут под конвоем военные. Солдаты разговаривают с ним грубым и агрессивным тоном, используя нецензурную брань и угрозы. Видеозапись была датирована днем его задержания, а именно 2 марта 2000 г. После того, как Заявительница отдала деньги, неизвестный передал ей фотографии, сделанные на основе видеозаписи. Он также дал ей нарисованную от руки схему 4-х захоронений, включая и то, где находилось тело ее мужа. Заявительница попросила видеозапись, но ей было сказано, что за нее ей придется заплатить 1000 долларов США. Ей также было сказано о том, что прокуратуре известно о существовании данной видеозаписи, и что ей даже присвоен порядковый номер 49030.

34. На следующий день Заявительница лично обратилась в прокуратуру г. Грозного и переговорила с одним из следователей. Она передала ему схему и рассказала о видеозаписи, на которой ее муж был снят после своего «исчезновения». Следователь подтвердил, что ему было известно о данной видеозаписи, и что, скорее всего, ее копия находится в прокуратуре Чеченской Республики.

35. Неделей позднее Заявительнице удалось выкупить видеозапись. Ей пришлось заплатить за нее 1000 долларов. Встреча была организована аналогичным образом: белый автомобиль Жигули остановился на дороге, и Заявительница переговорила с находившимся в нем человеком. Видеозапись (копия которой наряду с расшифровкой содержащегося на ней текста была предоставлена в Суд) длится около 3-х минут. На ней показана группа, состоящая из нескольких десятков солдат в камуфляже и с оружием, которые идут через поле. Они пересекают железную дорогу и низкий барьер. Затем камера поворачивает и показывает единственного представителя гражданского населения, по направлению к которому идут солдаты, и в котором Заявительница узнала своего мужа. В начале он лежит на земле. Один из солдат пинает его и приказывает ему встать. Солдаты обращаются к нему с угрозами, прибегая к нецензурной брани. На нем темно-коричневая дубленка и желтая меховая шапка, его одежда в грязи. Несколько солдат ведут его по направлению к частично разрушенным зданиям, где собирается все большее количество полностью вооруженных солдат. Муж Заявительницы на пленке снят на протяжении около полутора минут, после чего камера поворачивает и продолжает снимать солдат (которые, по всей видимости, возвращаются с выполнения задания), по крайней мере, с 6-ю телами на носилках, некоторые из которых покрыты покрывалами, а другие нет. Также на пленке виден ряд военной техники, часть из которой сожжена, и автобус.

4. Дальнейшее расследование

36. 23 августа 2000 г. Заявительница совместно со следователем прокуратуры г. Грозного направилась в указанное на схеме место захоронения. Место находилось в расположении места дислокации военных, у блокпоста №53. Военные не разрешили им туда пройти.

37. 7 сентября 2000 г. прокуратура г. Грозного проинформировала Заявительницу о том, что в ходе расследования не были установлены лица, несущие ответственность за похищение ее мужа. Однако, несмотря на это, следствием продолжают предприниматься соответствующие меры.

38. 10 сентября 2000 г. прокуратура Чеченской Республики проинформировала Заявительницу о том, что следствие по уголовному делу проводится прокуратурой г. Грозного. По данным ею устным показаниям о возможном месте захоронения тела ее мужа, будет проведена проверка.

39. 19 сентября 2000 г. прокуратура г. Грозного проинформировала Заявительницу о том, что расследование уголовного дела о похищении ее мужа неизвестными лицами в камуфляжной форме одежды, было приостановлено 14 сентября 2000 г. в связи с не установлением подозреваемых в совершении преступления.

40. 20 сентября 2000 г. администрация села Побединское выдала Заявительнице справку, подтверждающую то, что она действительно обращалась в данную администрацию 3 марта 2000 г. в связи с задержанием ее мужа во время проведения операции по зачистке 2 марта 2000 г. после «засады на Московский ОМОН». Справка подтверждала, что операция по зачистке села была проведена 2 марта 2000 г., между 12 и 2:30 часами дня.

41. В конце сентября 2000 г. (точная дата не известна) Заявительница совместно со следователем прокуратуры г. Грозного г-ном М. и в сопровождении сотрудников милиции вновь прибыли на место предполагаемого захоронения. Им разрешили войти в расположение территории военных, однако следователь отказался начать поиски, по всей

видимости, в связи с тем, что место не было указано точно, и территория поиска была слишком большой.

42. 9 октября 2000 г. Генеральная Прокуратура России проинформировала Заявительницу о том, что ее запрос относительно незаконного задержания ее мужа, был направлен для рассмотрения в прокуратуру Чечни.

43. 29 октября 2000 г. и 3 декабря 2000 г. прокуратура Чечни направила запросы Заявительницы относительно незаконного задержания ее мужа на рассмотрение по существу в прокуратуру г. Грозного.

44. 23 ноября 2000 г. МВД России направило запрос Заявительницы на рассмотрение в Управление МВД по Чечне.

45. 9 декабря 2000 г. военный прокурор в\ч 20102 направил запрос Заявительницы об установлении местонахождения ее мужа на рассмотрение начальнику Грозненского РОВД в связи с тем, что ответы на поставленные в запросе вопросы находятся вне компетенции военной прокуратуры.

46. В марте 2001 г. правозащитная организация Хьюман Райтс Вотч опубликовала доклад: [«Грязная война: исчезновения, пытки и внусудебные расправы»](#), в котором Шахид Байсаев был указан как жертва «насильственного исчезновения» после задержания российским федеральными военнслужащими.

47. 23 апреля 2001 г. прокуратура г. Грозного направила Заявительнице письмо с изложением хода расследования по уголовному делу №12048. В нем указывалось, что 10 мая 2000 г. прокуратурой было возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 126 УК РФ. Расследование было начато в связи с фактом задержания Шамида (должно быть – Шахида) Байсаева неизвестными лицами в камуфляжной форме одежды 2 марта 2000 г. около 12 часов дня у села Подгорное. Предпринятыми в ходе расследования мерами местонахождение Байсаева установлено не было. Расследование было приостановлено и позднее возобновлялось, без указания даты принятия соответствующих процессуальных решений.

48. В апреле 2001 г. Объединенная Рабочая Группа по Чечне, состоявшая из членов Парламентской Ассамблеи Совета Европы и депутатов Государственной Думы России доложила о том, что расследование уголовного дела о похищении Шахида Байсаева продолжается. О достигнутом в ходе расследования прогрессе не сообщалось.

49. 28 июня 2001 г. районный суд г. Грозного удовлетворил иск Заявительницы о признании ее мужа без вести пропавшим.

50. 17 августа 2001 г. организация Хьюман Райтс Вотч направила копию выкупленной Заявительницей видеопленки в Генеральную Прокуратуру России.

51. Осенью 2001 г. Заявительница вновь обратилась в прокуратуру г. Грозного. Она просила прокуратуру возобновить расследование по уголовному делу об исчезновении ее мужа, установить изображенных на видеопленке лиц и получить их показания относительно обстоятельств задержания и исчезновения ее мужа.

52. 29 ноября 2001 г. Заявительница узнала в прокуратуре г. Грозного о том, что расследование уголовного дела о похищении ее мужа вновь приостановлено. 7 декабря 2001 г. Заявительница вновь обратилась с письмом в прокуратуру г. Грозного. Она просила возобновить расследование по делу и провести осмотр предполагаемого места захоронения.

53. 8 декабря 2001 г. Заявительница вместе со следователем прокуратуры г. Грозного Леушевым направилась в расположение блок поста №53. Там они нашли здание, к которому солдаты вели Шахида Байсаева на видеозаписи. В

здании они нашли ряд предметов одежды и человеческую кость. В одном из мест, возле дерева, земля просела, и следователь предположил, что там может находиться предполагаемое захоронение. Они начали копать и вскоре обнаружили кусок коричневой ткани, похожий на кусок сгнившей дубленки. На данной стадии следователь и эксперт-криминалист прекратили раскопки, забрали с собой найденные ими объекты и договорились с военными о том, что они придут на следующий день с видеокамерой. Заявительница вернулась домой на маршрутном автобусе.

54. 9 декабря 2001 г. в дом Заявительницы прибыли следователи прокуратуры г. Грозного и попросили ее проехать с ними в прокуратуру. Заявительница согласилась, думая о том, что ей надо будет участвовать в процедуре опознания мужа. Однако по пути в прокуратуру ей сказали, что за день до этого, машина, в которой ехали следователь Леушев и эксперт-криминалист, была взорвана по пути в прокуратуру. В результате взрыва оба были убиты. О данном инциденте сообщалось в российских средствах массовой информации.

55. По прибытии в прокуратуру г. Грозного Заявительницу привели в кабинет, в котором находились два сотрудника прокуратуры, которые представились только по именам как Михаил и Захарий. Они предположили, что Заявительница причастна к взрыву машины сотрудников прокуратуры. Они сказали ей не настаивать на дальнейшем расследовании и прекратить поиски тела мужа под угрозой ее личной безопасности и безопасности ее детей. Заявительница, которая восприняла данные угрозы как реальные, прекратила на некоторое время всякие контакты с правоохранительными органами.

56. В 2003 г. заявительница лично и через своего представителя SRJI пыталась получить сведения о ходе следствия. В ответ на несколько запросов из городской прокуратуры Грозного в адрес SRJI 15 августа 2003 г. пришло письмо, согласно которому следствием по уголовному делу № 12048 установлено, что вечером 2 марта 2000 г. Шахид Байсаев попал в перестрелку у села Подгорное, был ранен и увезен неизвестными лицами. Следствие по делу было приостановлено из-за невозможности установления лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых. К письму прилагалось подписанное заявителем постановление прокуратуры от 15 января 2002 г. о присвоении ей статуса потерпевшей.

57. Заявительница утверждает, что в 2003 г. несколько раз встречалась с работником Грозненской прокуратуры в помещении Заводского районного суда. Работник прокуратуры публично называл ее «убийцей» и обвинял в причастности к смерти двух работников прокуратуры в декабре 2001 г.. Эти заявления вызвали у нее тяжелые эмоциональные переживания.

58. В феврале 2004 г. жалоба заявителем была коммуницирована Правительству РФ с просьбой предоставить копию материалов дела № 12048. В апреле 2004 г. Правительство представило около одной трети материалов дела (судя по нумерации страниц) и заявило, что никаких других сведений от прокуратуры получено не было. В декабре 2005 г. Суд объявил жалобу приемлемой и повторил просьбу о предоставлении всех материалов дела. Суд также попросил Правительство сообщить о ходе расследования за период с марта 2004 г. В марте 2006 г. Правительство предоставило Суду еще 45 страниц дела за период с марта 2004 г. по февраль 2006 г., в том числе решения о приостановлении и возобновлении уголовного дела. Правительство указало, что предоставление остальных документов было бы нарушением Статьи 161 УПК, выдачей военной тайны, раскрытием фамилий и адресов третьих сторон.

59. Правительство также указало, что в июне 2005 г. следствием были получены несколько фотографий сотрудников подмосковного ОМОНа, командированных в Чеченскую Республику в марте 2000 г. В июне и декабре 2005 г. были опрошены более шестидесяти пяти сотрудников этих частей ОМОНа, которые подтвердили, что 2 марта 2000 г. были в составе конвоя, подвергнутого нападению в тот день. При этом они утверждали, что не принимали участия в последующей зачистке и ничего не знали об исчезновении г-на Байсаева. Правительство не предоставило никаких документов в связи с этими опросами.

60. В период с 2004 по 2006 гг. заявительница более десяти раз обращалась в прокуратуру Старопромысловского района, прокуратуру Чеченской Республики и Генеральную прокуратуру с просьбами сообщить о судьбе ее мужа и о ходе следствия по делу. Она утверждала, что во время ее личного обращения в прокуратуру Старопромысловского района в сентябре 2005 г. следователь кричал на нее, что «она его достала». После этого заявительница несколько раз просила вышестоящие органы прокуратуры передать дело в другую прокуратуру, но безрезультатно. Она получала ответы из прокуратуры Старопромысловского района, в которых говорилось о приостановлении или о возобновлении следствия.

61. 28 октября 2005 г. заявительница обратилась с письмом в Сергиево-Посадский ОМОН с описанием обстоятельств исчезновения ее мужа и с просьбой сообщить какие-либо сведения, которые помогли бы установить его местонахождение.

62. 9 февраля 2006 г. заявительница обратилась в Старопромысловский районный суд с жалобой на бездействие прокуратуры

63. 13 февраля 2006 г. заявительница обратилась в районный суд с просьбой о признании ее мужа умершим.

64. По-видимому, следствие по делу о похищении Шахида Байсаева закрывалось и возобновлялось более двенадцати раз. Следствие вела Грозненская городская прокуратура, а затем прокуратура Старопромысловского района. Следствием не были установлены лица или подразделения, ответственные за похищение и никому не были предъявлены обвинения (см. перечень материалов уголовного дела ниже в Части В). Правительство в своем последнем меморандуме от 14 марта 2006 г. сообщило, что следствие продолжается.

65. Заявительница также утверждает, что 22 марта 2004 г. ее посетил на дому сотрудник прокуратуры Старопромысловского района, который попросил ее подписать заявление о том, что она не подвергалась угрозам после подачи жалобы в Европейский суд по правам человека. У заявительницы создалось впечатление, что на нее оказывают давление, и она согласилась написать бумагу следующего содержания: «Когда я подала жалобу в Страсбургский суд, мне никто не угрожал».

66. Заявительница сообщила, что страдает сердечно-сосудистым заболеванием еще со времени первой чеченской войны 1994-96 гг., когда при взрыве снаряда были убиты ее дочь и сноха и ранен сын. В то время заявительница испытала первый приступ сердечно-сосудистого невроза. 2 ноября 1999 г. она была ранена в ногу. После «исчезновения» мужа ее здоровье значительно ухудшилось, и ей потребовалось постоянное лечение и уколы. 13 февраля 2004 г. она перенесла инсульт. Она испытывала состояние беспокойства, тревожность и нарушения сна. Заявительница не представила медицинских документов.

В. Документы, предоставленные в Суд сторонами

1. Документы из материалов уголовного дела

67. Правительство предоставило в Суд часть материалов уголовного дела №12048, представляющие собой три тома. Правительство указало, что только данные документы были предоставлены им из Генеральной Прокуратуры России. Указанные документы могут быть суммированы следующим образом:

(а) Постановление о возбуждении уголовного дела

68. 10 мая 2000 г. следователь прокуратуры г. Грозного возбудил уголовное дело по похищению Шахида Байсаева неизвестным лицами в камуфляжной форме одежды 2 марта 2000 г. в селе Подгорное. В постановлении содержится ссылка на ч. 1 ст. 126 УК РФ (похищение).

(b) Показания Заявительницы

69. В предоставленных в Суд материалах содержится письмо Заявительницы от 30 марта 2000 г., направленное ею в прокуратуру г. Грозного с изложением подробностей исчезновения ее мужа и изложением просьбы о помощи в его поисках.

70. 29 июня 2000 г. Заявительница была допрошена в качестве свидетеля. Она повторно изложила известные ей обстоятельства задержания мужа военнослужащими и подтвердила, что не получала от него никаких известий.

71. 8 сентября 2000 г. Заявительница была вновь допрошена. Она дала подробные пояснения о похищении ее мужа, которые основывались на показаниях свидетелей его задержания. В соответствии с данными ею показаниями, ее мужа усадили в БТР и доставили на блок пост №53, охраняемый ОМОНОм. Заявительница дала показания относительно своего разговора с г-ном Д., который состоялся в Старопромысловском ВОВД. Она также показала, что предприняла попытку войти на блок пост совместно с другим сотрудником ВОВД, майором Ч., однако при приближении к блок посту с него по ним был открыта стрельба. Она рассказала органам следствия о видеопленке, на которой было запечатлено задержание ее мужа, а также о схеме с местом его возможного захоронения, а также об обстоятельствах, при которых они были ею получены. Она подала запрос о проведении осмотра предполагаемого места захоронения. В тот же самый день Заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу.

72. 21 марта 2004 г. Заявительница была вновь допрошена об обстоятельствах исчезновения ее мужа, о видеопленке и схеме местности предполагаемого места захоронения, а также о ее попытках в 2000-2001 г.г. найти место, обозначенное на схеме. В тот же самый день Заявительница была вновь признана в качестве потерпевшей.

(с) Документы, относящиеся к поиску Шахида Байсаева

73. 5 июня 2000 г. в рамках расследования уголовного дела сотрудники прокуратуры направили запрос в МВД с просьбой проверить, не содержится ли Шахид Байсаев в местах временного содержания под стражей. В ответ четыре отдела внутренних дел г. Грозного, Действующая Бригада МВД по Северному Кавказу (базирующаяся в Северной Осетии) и ФСБ по Чечне направили ответы, в соответствии с которыми Шахид Байсаев ими не задерживался, информация о нем в их базах данных не содержится.

74. 17 июня 2000 г. Старопромысловский ВОВД ответил на запрос предварительного следствия по уголовному делу, и указал, что они не могут

установить свидетелей событий, относящихся к похищению Шахида Байсаева, и, что последний, по отзывам, является законопослушным гражданином.

75. Из представленных материалов следует, что следствие пыталось проверить информацию о том, что муж Заявительницы мог видеть убийство двух братьев О. произошедшее 2 марта 2000 г.. 22 марта 2004 г. прокуратура Старопромысловского района указала, что в прокуратуре не находится в производстве уголовное дело об убийстве «братьев А. (имена похожи на те, о которых упоминает Заявительница, отличается только первая буква)» или обнаружения в марте 2000 г. двух неопознанных мужских тел.

(d) Осмотр места происшествия

76. 9 ноября 2000 г. следователь прокуратуры г. Грозного, в присутствии Заявительницы и при помощи кинолога с собакой, провел осмотр места предполагаемого захоронения, расположенного у блокпоста №53. В начале место было осмотрено саперами на случай его минирования. В соответствии с протоколом осмотра, в указанном месте не было обнаружено предполагаемого захоронения.

77. 7 декабря 2001 г. Заявительница письменно обратилась в прокуратуру г. Грозного с просьбой разрешить проведение раскопок на месте, обозначенном на схеме, и в котором, предположительно, может находиться тело ее мужа.

78. 19 марта 2004 г. следователи вновь провели осмотр указанного места в селе Подгорное в присутствии Заявительницы. Они провели раскопки места, обозначенного на схеме, где ими была обнаружена свалка. К протоколу осмотра места прилагались схема местности и ее фотографии.

(e) Осмотр видеопленки

79. 8 марта 2003 г. прокурор Старопромысловского района вынес распоряжение о получении следствием видеопленки, находившейся в прокуратуре Чеченской Республики.

80. 22 марта 2003 г. видеопленка была просмотрена в присутствии Заявительницы, которая опознала в изображенном на ней человеке своего мужа.

(f) Показания местных жителей

81. В феврале-марте 2004 г. следователи допросили около десятка жителей села Подгорное, где был задержан муж Заявительницы и села Побединское, в котором он проживал. По показаниям свидетелей, 2 марта 2000 г., около полудня, произошла перестрелка, после которой была проведена операция по «зачистке» местности в селе Подгорное. Большинство из допрошенных следствием местных жителей не знали или не видели Шахида Байсаева. Однако, по их словам, несколько человек из села Подгорное были задержаны и отпущены позднее в тот же самый день. Им также было известно о том, что Заявительница проводила поиски мужа, так как она пришла в село и спрашивала жителей о нем, а также разместила по селу объявления о розыске с фотографиями мужа. Два жителя села Подгорное показали, что видели Шахида Байсаева 2 марта 2000 года на улице Автобусной во время проведения операции по зачистке. Кроме того, один из коллег Байсаева показал, что они вместе с ним и другими коллегами вышли с работы после начала перестрелки.

82. Правительство утверждает в своем Меморандуме, что более 50 свидетелей было допрошено в ходе предварительного следствия. 13 протоколов допросов свидетелей было предоставлено в Суд.

(g) Информирование заявительницы

83. 9 июня 2000 г. прокуратура г. Грозного проинформировала Заявительницу о том, что указанной прокуратурой было возбуждено уголовное дело о похищении ее мужа.

84. 7 сентября 2000 г. прокуратура г. Грозного направила Заявительнице письмо, в котором указывалось, что расследование похищения ее мужа продолжается, однако информации о его местонахождении в ходе следствия получено не было.

85. 10 сентября 2000 г. прокуратура Чеченской Республики направила Заявительнице аналогичное письмо.

86. 4 апреля 2003 г. Заявительница обратилась с запросом в прокуратуру г. Грозного о предоставлении ей информации о ходе расследования по уголовному делу.

87. По-видимому, прокуратура уведомила заявительницу несколько раз о прекращении и возобновлении следствия по уголовному делу № 12048— один раз в 2000 г., дважды в 2004 г., четыре раза в 2005 г. и один раз в 2006 г.

(h) Указания прокурора

88. Неоднократно, на различных стадиях предварительного следствия по уголовному делу, вышестоящими прокурорами были даны указания о принятии конкретных следственных действий в ходе расследования. 9 ноября 2000 г. прокурор проинструктировал органы следствия о проведении осмотра места происшествия, указанного Заявительницей, с участием кинолога с собакой, а также указания о получении и просмотре видеопленки, упомянутой Заявительницей, о проведении допросов офицеров из Свердловской области, проходивших службу в Старопромысловском ВОВД, о допросе сотрудников Подольского ОМОНа, проходивших службу на блок посту №53 в селе Подгорное в указанный промежуток времени, об осмотре книги регистрации заключенных Старопромысловского ВОВД за 2-3 марта 2000 г.. 3 декабря 2001 г. прокурор вновь вынес указания о проведении полного расследования обстоятельств исчезновения Байсаева. 15 декабря 2001 г. прокурор прокуратуры г. Грозного вынес решение о восстановлении материалов уголовного дела №12048 после утраты оригиналов, уничтоженных в результате террористической атаки на прокуратуру 8 декабря 2001 г..

89. 22 февраля 2004 г. прокурор Старопромысловского района Грозного вынес указание органам следствия о проведении осмотра места предполагаемого захоронения Шахида Байсаева, о получении и просмотре видеопленки, об установлении и проведении допросов свидетелей из местных жителей, проживавших поблизости от места перестрелки, а также тех, кто был задержан 2 марта 2000 г., о просмотре видеопленки совместно со старшими офицерами подразделений ОМОНа для установления военнослужащих, запечатленных на указанной видеозаписи, об установлении подразделения российских вооруженных сил, принимавших участие в задержании и т.д. В тот же самый день ведение предварительного следствия по уголовному делу было передано следственной группе, состоящей из 4-х следователей Старопромысловской районной прокуратуры.

90. 7 марта 2004 г. прокуратура Старопромысловского района Грозного сообщила, что следствием был установлен факт задержания Шахида Байсаева 2 марта 2000 г. неизвестными вооруженными лицами в камуфляжной форме после перестрелки в с. Подгорное с участием федеральных сил. Из видеозаписи, представленной заявительницей, неизвестные лица ведут мужа заявительницы к промышленному объекту у дороги, где произошла перестрелка. Прокуратурой издано постановление о проверке материалов уголовного дела о нападении на

ОМОН, о запросе материалов из МВД и Министерства обороны о подразделениях, дислоцированных на промышленном объекте, где был задержан Байсаев, о выяснении личности сотрудников, изображенных на видеопленке, путем просмотра фильма совместно с командирами соответствующих частей, а также о допросе этих сотрудников и оценке их действий.

91. 13 января 2005 г. тот же прокурор отдал распоряжение следователю выяснить личные данные потерпевшего и направить его фотографию и запросы во все районные прокуратуры Чеченской Республики, в территориальные органы Министерства юстиции и в больницы, а также предпринять шаги по установлению лиц, ответственных за его задержание.

92. 14 июня 2005 г. тот же прокурор отдал распоряжение следователю установить личности и допросить сотрудников Подольского ОМОНа, которые могли быть участниками задержания Байсаева.

93. 5 декабря 2005 г. тот же прокурор отдал распоряжение следователю допросить 63 сотрудника Подольского ОМОНа, сотрудников Сергиево-Посадского ОМОНа, установить личности изображенных на видеопленке и провести экспертизу видеопленки с целью установления лиц, причастных к задержанию мужа заявительницы.

94. Следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось не менее двенадцати раз. Последний документ в деле датирован 2 февраля 2006 г. Это решение о продлении следствия по делу об исчезновении Байсаева до 2 марта 2006 г. и повторное распоряжение о допросе сотрудников двух подразделений ОМОНа и об установлении личности изображенных на видеопленке.

2. Информация, предоставленная региональными судами

95. Правительство предоставило в Суд письма из Верховного Суда Ингушетии, суда Краснодарского Края, Ростовского областного суда и из Ставропольского областного суда, все датированные мартом 2004 г. В письмах указывалось, что в соответствующих регионах в судах не находится на рассмотрении гражданские или уголовные дела с участием Заявительницы или относящиеся к похищению ее мужа. Верховный Суд Чечни направил письмо от 19 марта 2004 г. о том, что Заявительница не обращалась в суды на территории Чеченской Республики с какими-либо жалобами. Однако в письме при этом указывалось, что расследование уголовного дела №12048 находится в ведении Старопромысловской районной прокуратуры в г. Грозный, а также то, что срок предварительного следствия по делу продлен до 12 мая 2004 г..

3. Материалы, имеющие отношение к нападению 2 марта 2000 г.

96. Заявительница предоставила в Суд ряд сообщений средств массовой информации относительно процесса над двумя старшими офицерами МВД за преступную халатность, повлекшую тяжкие последствия - смерть 22-х человек и ранение 33-х сотрудников подразделения ОМОН из г. Сергиева Посада Московской области. В соответствии с данными сообщениями, было установлено, что перестрелка, происшедшая 2 марта 2000 г. в селе Подгорное произошла тогда, когда конвой ОМОНа, направлявшегося в г. Грозный на задание, был атакован сотрудниками Старопромысловского ВОВД, которыми в то время являлись сотрудники милиции из г. Подольска Московской области, дислоцированные на блок посту в селе Подгорное. Происшедшее было объявлено провокацией боевиков, которым удалось убедить, при помощи лживой информации, подразделения, дислоцированные в селе Подгорное, о

якобы ожидающемся подходе боевиков под видом федеральных военнослужащих.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

97. До 1 июля 2002 г. действовал УПК РСФСР 1960 г. С 1 июля 2002 г. стал действовать новый УПК РФ.

98. Статья 161 нового УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. Согласно ч. 3 этой Статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Доводы сторон

1. Правительство

99. Правительство попросило Суд признать данную жалобу неприемлемой в связи с тем, что заявительница не исчерпала имеющиеся в ее распоряжении внутригосударственные средства правовой защиты. Правительство указало на то, что расследование обстоятельств задержания Шахида Байсаева продолжается, а поэтому рассмотрение жалобы Европейским судом преждевременно. Правительство также ссылалось на Конституцию и иное законодательство, которое предусматривает обжалование в суд действий должностных лиц, нарушающих права граждан. Со ссылкой на вышеупомянутые ответы территориальных судебных органов Правительство утверждало, что заявительница не воспользовалась этим средством защиты.

2. Заявительница

100. Заявительница оспорила возражение Правительства. Во-первых, она ссылаясь на особые обстоятельства, существовавшие в Чеченской Республике в 2000 г. и серьезно затруднявшие нормальное функционирование правоохранительных органов.

101. Во-вторых, она упомянула о существовании административной практики несоблюдения требования об эффективном расследовании нарушений, совершенных российскими военнослужащими и сотрудниками органов внутренних дел в Чечне. Она ссылаясь на жалобы в Европейский суд, поданные другими жертвами подобных нарушений прав, а также на документы Совета Европы, доклады НПО и сообщения СМИ. Она утверждала, что такая административная практика делает потенциально эффективные внутригосударственные средства правовой защиты неадекватными, неэффективными и иллюзорными.

102. И, наконец, она утверждала, что в любом случае ею было соблюдено требование исчерпания средств защиты, поскольку она обратилась в прокуратуру с просьбой о возбуждении уголовного дела. Кроме того, из фактов

по делу, очевидно, что она активно участвовала в расследовании и представила в прокуратуру все имеющиеся в ее распоряжении сведения, способные привести к раскрытию преступления. Несмотря на предпринятые ею усилия, адекватного расследования проведено не было. По ее мнению, Правительство не продемонстрировало эффективность обращения в суд и в прокуратуру в ситуации бездействия следователей, особенно с учетом того обстоятельства, что вышестоящие органы прокуратуры неоднократно выражали недовольство ходом следствия и издавали соответствующие распоряжения, которые не исполнялись.

В. Оценка Суда

103. По данному делу Суд не пришел на стадии приемлемости ни к какому решению относительно исчерпания внутригосударственных средств защиты, сочтя этот вопрос тесно связанным с существом дела. Далее Суд приводит свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда.

104. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, на которое имеется ссылка в Статье 35 § 1 Конвенции, налагает на Заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые впоследствии подаются в Суд, первоначально подавались в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу вопроса и в соответствии с официальными требованиями национального законодательства, однако при этом Суд не требует обращения к средствам, которые неадекватны или неэффективны (см. *Aksoy v. Turkey* решение от 18 декабря 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996 VI, стр. 2275-76, §§ 51-52, и *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 16 сентября 1996, Reports 1996 IV, стр. 1210, §§ 65-67).

105. Кроме того, правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Суд далее признает, что данное правило не является ни абсолютным, ни подлежащим автоматическому применению; чтобы проверить, было ли оно соблюдено, необходимо учесть обстоятельства конкретного дела. Это означает, в частности, что Суд должен принять во внимание не только наличие формальных средств правовой защиты в правовой системе Государства, но и общий контекст применения этих средств, наряду с рассмотрением личных обстоятельства заявителя. После этого Суд должен оценить, предпринял ли заявитель с учетом всех обстоятельств данного дела все меры, которые с разумной точки зрения можно от него/нее ожидать, для исчерпания внутренних средств правовой защиты (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, р. 1211, § 69, и решение по делу *Aksoy*, цит. выше, р. 2276, §§ 53 и 54).

106. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправовых и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

107. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд отмечает указание Правительства на то, что заявительница могла обратиться с гражданским иском в районный суд. Правительство не

привело каких-либо примеров рассмотрения судом гражданского иска, связанного с предполагаемым тяжелым уголовным преступлением, в отсутствие результатов уголовного расследования, включая установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

108. Далее Суд отмечает, что даже если бы заявительница подала такой иск и добилась бы от государственного органа возмещения ущерба в рамках гражданского судопроизводства, это не решило бы вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте ее жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Рассмотрение гражданского иска в суде в отсутствие результатов следствия по уголовному делу не способно привести к установлению виновных в совершении преступления и тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 и 57945/00, § 119-121, 24 февраля 2005). Кроме того, обязательство Государства в рамках Статей 2 и 13 Конвенции по проведению расследования, способного привести к установлению и наказанию ответственных в совершении преступления стало бы иллюзорным, если бы в случае жалоб на нарушение данных Статей заявитель должен был бы исчерпать средство правовой защиты, способное привести лишь к присуждению компенсации (см. *Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998, Reports 1998 VI, p. 2431, § 74).

109. В свете вышесказанного Суд считает, что заявительница для исчерпания внутренних средств защиты не была обязана подавать гражданский иск, как это предлагает Правительство, и предварительное возражение по данному поводу не обосновано.

110. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что заявительница обратилась с жалобой в правоохранительные органы сразу же после исчезновения мужа и что следствие, начатое в мае 2000 г., до сих пор не окончено. Мнения заявительницы и Правительства в отношении эффективности следствия расходятся.

111. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявительницы. Поэтому Суд считает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

112. Заявительница утверждала, что ее муж был незаконно убит агентами Государства. Она также утверждала, что властями не было проведено эффективное и адекватное расследование обстоятельств его исчезновения. При этом она ссылаясь на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Предполагаемый отказ в защите права на жизнь в отношении Шахида Байсаева

1. Доводы сторон

113. По утверждению заявительницы, не подлежит сомнению на разумных основаниях тот факт, что 2 марта 2000 г. Шахид Байсаев был задержан и затем лишен жизни российскими военнослужащими. В подтверждение этого заявления она ссылается на неопровергнутые доказательства, в частности, на видеопленку, датированную 2 марта 2000 г., на которой видно, что мужа заявительницы ведут под конвоем военные, на тот факт, что в тот день в селе Подгорное произошла «зачистка» и было задержано несколько человека, а также на показания очевидцев о задержании Байсаева, в том числе на слова сотрудника ВОВД, сказанные в присутствии заявительницы офицеру Д. По мнению заявительницы, факт лишения ее мужа жизни установлен с высокой степенью достоверности, поскольку он был задержан более шести лет назад в ситуации, угрожающей жизни, и с тех пор от него не получали никаких вестей. Заявительница подчеркнула, что Правительством не предложена альтернативная версия событий, и что из опубликованных сообщений о суде над командирами ОМОНа известно, что в перестрелке 2 марта 2000 г. участвовали две группы военнослужащих федеральных сил, а, следовательно, никакие другие лица в камуфляжной форме не могли принимать участие в операции по «зачистке», последовавшей непосредственно за этим инцидентом.

114. Правительство заявило об отсутствии убедительных доказательств, подтверждающих слова заявительницы об ответственности властей за задержание и смерть Шахида Байсаева и подтверждающих сам факт его смерти.

2. Оценка Суда

115. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и в частности, в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (см. их краткое изложение в решении по делу *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, § 103-109, 27 июля 2006). В свете этих принципов Суд выделяет некоторые ключевые моменты данного дела, которые должны быть приняты во внимание при установлении того, следует ли считать Шахида Байсаева умершим и можно ли отнести его смерть на счет действий властей.

116. Заявительница утверждала, что ее муж был задержан военнослужащими в ходе спецоперации. В поддержку своей версии событий она ссылалась на целый ряд фактов, ни один из которых не был оспорен Правительством. В частности, стороны не оспаривают то, что Шахид Байсаев был задержан 2 марта 2000 г. в селе Подгорное вооруженными лицами в камуфляжной форме. Правительство также не оспаривает то, что после вооруженных столкновений с участием военнослужащих, дислоцированных в этом селе, 2 марта 2000 г. в с. Подгорное была проведена спецоперация. Также не было оспорено то, что в ходе операции в селе были задержаны несколько человек, хотя, по-видимому, ни в отношении Шахида Байсаева, ни в отношении кого-либо еще из задержанных не имеется записей об их содержании под стражей. Как следует из цитируемых выше постановлений прокуратуры, следствием была принята эта версия событий и несколько раз сделана попытка установить личность участников - военнослужащих и подразделений. Правительство не высказывало предположений о том, что задержавшие Байсаева лица были участниками незаконных вооруженных формирований, и у

Суда нет материалов, которые подтверждали бы такой вывод. Поэтому Суд считает установленным тот факт, что задержание Шахида Байсаева совпало со спецоперацией в с. Подгорное 2 марта 2000 г.

117. Еще одно убедительное подтверждение слов заявительницы мы находим в предоставленной ею видеозаписи. По всей видимости, у следствия не возникло вопросов относительно того, каким образом, по утверждению заявительницы, она получила видеопленку - а именно, что она заплатила значительную сумму денег человеку, который знал и предполагаемое место захоронения ее мужа (см. выше пп. 32-35). Хотя фамилии военнослужащих и часть, в которой они служили, установлены не были, ни на каком этапе власти не ставили под сомнение тот факт, что на видео изображены военнослужащие федеральных сил и муж заявительницы. Под подозрение попали два определенных отряда ОМОН: Подольский и Сергиево-Посадский. В связи с этим Суд не может не прийти к выводу, что Шахида Байсаева видели в последний раз в момент его задержания федеральными военнослужащими.

118. Со 2 марта 2000 г. никаких новых сведений о муже заявительницы не поступало. Его фамилии не было среди записей о регистрации задержанных ни в одном из мест содержания под стражей. И, наконец, Правительство не представило никаких правдоподобных объяснений относительно того, что произошло с ним после задержания.

119. Суд с большой озабоченностью отмечает, что, судя по целому ряду рассмотренных им дел, феномен «исчезновений» в Чеченской Республике хорошо известен (см. *Bazorkina v. Russia*, цит. выше; *Imakayeva v. Russia*, по. 7615/02, 9 ноября 2006; и *Luluyev and Others v. Russia*, по. 69480/01, 9 ноября 2006). К тому же выводу приходят в своих докладах и международные организации (см. выше п. 46). Суд согласен с заявительницей в том, что в условиях вооруженного конфликта в Чечне ситуацию, когда человека задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, можно рассматривать как угрожающую жизни. Такой вывод подтверждается отсутствием Шахида Байсаева и каких-либо сведений о нем на протяжении более шести лет. Кроме того, позиция прокуратуры и других правоохранительных органов после того, как заявительница сообщила им о задержании мужа, в значительной мере повышала вероятность его исчезновения, поскольку в критически важные первые несколько дней и недель после задержания не было предпринято необходимых действий. Поведение правоохранительных органов в ответ на обоснованные жалобы заявительницы позволяет говорить как минимум о попустительстве и вызывает серьезные сомнения в объективности следствия.

120. По вышеозначенным причинам Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что Шахида Байсаева следует считать умершим и что смерть наступила после не признаваемого властями задержания Байсаева военнослужащими федеральных сил. Следовательно, ответственность за произошедшее несет Государство. Отмечая, что Правительство не приводит никаких оснований для применения его агентами силы, повлекшей лишение жизни, следует признать, что ответственность за предполагаемую смерть также несет Правительство.

121. Соответственно, в отношении Шахида Байсаева имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

В. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения Шахида Байсаева

1. Доводы сторон

122. Заявительница утверждает, что расследование обстоятельств задержания и смерти ее мужа не соответствует стандартам Европейской конвенции и национального законодательства. Она считает, что ряд важных шагов - таких, например, как расшифровка видеозаписи, были предприняты с необоснованной задержкой или только после коммуникации жалобы Правительству, причем это было сделано таким образом, что их эффективность была подорвана. Заявительница отметила, что она была признана потерпевшей по делу четыре раза, однако другие родственники Шахида Байсаева, несмотря на их просьбы, потерпевшими признаны не были. Не были предприняты целый ряд важных следственных действий, и что особенно важно, не были установлены и допрошены лица, зафиксированные на видеозаписи, военнослужащие, находившиеся на блокпосте №53, а также проводившие спецоперацию 2 марта 2000 г. Следствие не рассмотрело доказательства того, что задержание и убийство Байсаева были совершены военнослужащими федеральных сил. Заявительница указала на тот факт, что более чем за шесть лет следствие, насколько ей известно, не привело к каким-либо результатам и что оно неоднократно приостанавливалось и возобновлялось. Вышестоящие прокуроры критиковали то, как ведется следствие, и давали в связи с этим указания, которые не выполнялись. Все это, по мнению заявительницы, подтверждает ее слова о неэффективности расследования. Власти систематически не информировали заявительницу о ходе производства по делу и не сообщали ей о важных процессуальных шагах. И, наконец, заявительница утверждала, что непредставление ей для ознакомления значительной части материалов дела без соответствующего объяснения подкрепляют ее подозрения в неэффективности расследования.

123. Правительство с этим не согласилось. Представители Правительства ссылались в целом на трудную ситуацию в Чеченской Республике, на то, что двое работников прокуратуры погибли в результате теракта, когда вели следствие по данному делу, и на то, что материалы дела были уничтожены, а затем восстановлены. Следствие велось в соответствии с национальным законодательством, заявительница была признана потерпевшее, а предоставленные ею материалы подвергались тщательной проверке. В ходе следствия были предприняты шаги для установления личности и допроса военнослужащих, зафиксированных на видеопленке, которую представила заявительница. Несмотря на все усилия следствия, личность людей, задержавших Шахида Байсаева, осталась невыясненной, а местонахождение мужа заявительницы или его останков установить не удалось.

2. Оценка Суда

124. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции подразумевает, что должен существовать определенный порядок эффективного официального расследования случаев гибели людей в результате применения силы (см., помимо других источников, *Kaya v. Turkey*, решение от 19 февраля 1998, Reports 1998-I, p. 329, § 105). Судом выработан ряд руководящих принципов, которые должны быть соблюдены при проведении расследования, чтобы оно соответствовало требованиям Конвенции (краткое описание этих принципов см. в решении по делу Базоркиной, цит. выше, §§ 117-119).

125. В настоящем случае проводилось расследование обстоятельств похищения мужа заявительницы. Суд должен оценить, соответствовало ли расследование требованиям Статьи 2 Конвенции. В этой связи Суд отмечает, что его знакомство с рассматриваемыми процессуальными действиями

ограничено рамками тех материалов уголовного дела, которые были отобраны Правительством-ответчиком для предоставления Суду (см. выше пп. 58-59). Делая выводы из поведения Правительства-ответчика при установлении фактов (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978, Series A no. 25, p. 64-65, § 161), Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся у него документов и других сведений и материалов, предоставленных сторонами.

126. Во-первых, Суд отмечает, что власти были немедленно поставлены в известность о задержании Шахида Байсаева, поскольку заявительница лично обратилась в ВОВД и в органы прокуратуры в ближайшие дни после исчезновения ее мужа 2 марта 2000 г. Тем не менее, уголовное дело было возбуждено только 10 мая 2000 г. Когда, наконец, началось следствие по делу, оно проходило с необъяснимыми задержками в выполнении самых необходимых действий. Заявительница не была опрошена до июня 2000 г. Местные жители были опрошены лишь в феврале и марте 2004 г., а сотрудники подмосковного ОМОНа – лишь в июне и декабре 2005 г., после коммуникации жалобы Правительству.

127. Такие задержки сами по себе снизили эффективность расследования и не могли не повлиять отрицательно на возможность установления истины. Признавая, что в некоторой степени эти задержки можно объяснить исключительными обстоятельствами, которые существовали в Чеченской Республике и на которые ссылается Правительство, Суд считает, что в данном случае недостаточная эффективность превышала пределы допустимого для такого серьезного преступления.

128. Требуют комментарий и другие аспекты расследования. В данном случае существовало такое уникальное доказательство, как видеопленка, на которой видно, как военные задерживают мужа заявительницы; эта видеопленка могла бы сыграть ключевую роль в расследовании. Видеопленка была предоставлена властям еще в 2000 г. Суд считает поразительным тот факт, что к февралю 2006 г. зафиксированные на ней лица все еще не были установлены следствием, не говоря уже о том, что они не были допрошены (см. распоряжения прокуратуры в пп. 88-94). По-видимому, в июне 2005 г. следствием были собраны фотографии сотрудников подмосковных отрядов ОМОНа, но Суду не сообщили ничего относительно последовавших за этим действий. Следователи, видимо, не установили личности и не допросили военнослужащих федеральных частей, охранявших блокпост № 53 и проводивших «зачистку» в Подгорном. Судя по всему, не были соответствующим образом использованы и предоставленные заявительницей сведения о возможном месте захоронения ее мужа.

129. Многие из этих упущений были очевидны вышестоящим прокурорам, которые неоднократно издавали распоряжения о проведении определенных следственных действий. Однако эти распоряжения либо не исполнялись, либо исполнялись с недопустимыми задержками. И, наконец, Суд отмечает, что за шесть лет следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось не менее двенадцати раз. Заявительница, несмотря на ее процессуальный статус потерпевшей, не была должным образом проинформирована о ходе следствия и единственная информация, которую ей сообщали, касалась приостановки и возобновления производства по уголовному делу.

130. В свете вышесказанного и с учетом выводов, сделанных на основании представленных Правительством-ответчиком доказательств, Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения и предполагаемой смерти Шахида Байсаева.

Поэтому Суд отклоняет предварительное возражение Правительства о том, что заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты в отношении уголовного расследования и также признает в связи с этим, что имело место нарушение Статьи 2.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

131. Заявительница утверждала, что Шахид Байсаев подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и что власти не расследовали сообщение об этом. Она также жаловалась, что страдания, которым подверглась она сама в результате исчезновения ее мужа, были равносильны обращению, запрещенному Конвенцией. При этом она ссылалась на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Шахида Байсаева

1. Доводы сторон

1104. Заявительница жаловалась на нарушение как существенных, так и процессуальных аспектов Статьи 3 Конвенции в отношении ее мужа. Она указала на то, что на видеопленке зафиксировано, как солдаты пинают ее мужа ногами, обращаясь к нему с нецензурной бранью и угрозами. Она сообщила, что люди, задержанные в Чечне, регулярно подвергаются обращению, нарушающему Статью 3. Власти не провели адекватное расследование по факту этих жалоб.

1105. Правительство не представило никаких комментариев в отношении Статьи 3, указав лишь, что личность задержавших Шахида Байсаева остается неизвестной.

2. Оценка Суда

1106. Суд указывает на то, что заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. Для оценки таких доказательств Суд принял стандарт доказывания «исключая сомнения на разумных основаниях», добавив при этом, что такие доказательства могут следовать из одновременного существования достаточно веских, ясных и согласованных выводов или сходных неопровергнутых предположений (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, pp. 64-65, § 161 мелким шрифтом).

1107. Суд считает доказанным, что муж заявительницы был задержан 2 марта 2000 г. федеральными силами и что с тех пор о нем не поступало никаких достоверных сведений. Суд также считает, что в свете всех известных обстоятельств можно предположить, что он умер и что за его смерть несет ответственность Государство (см. выше пп. 115-121). Однако то, каким образом он умер и подвергался ли он жестокому обращению во время задержания, остается невыясненным.

1108. Суд считает, что ни показания свидетелей, собранные заявителем, ни видеозапись, просмотренная Судом, не содержат доказательств того, что Шахид Байсаев подвергался жестокому обращению после ареста. Зафиксированный на видеопленке эпизод, на который ссылается заявительница, сам по себе не отражает того уровня жестокости, при котором обращение подпадало бы под действие Статьи 3 Конвенции.

137. Поскольку имеющаяся информация не позволяет Суду, исключая разумные сомнения, сделать вывод о том, что муж заявительницы подвергался жестокому обращению, Суд не считает, что по данному основанию имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

138. В отсутствие достоверной информации о предполагаемом жестоком обращении и о том, как умер Шахид Байсаев, Суд не считает необходимым отдельно рассматривать вопрос о недостатках расследования в рамках Статьи 3, поскольку они рассматриваются в рамках процессуальных аспектов Статьи 2 (выше) и в рамках Статьи 13 Конвенции (ниже).

В. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы

139. Заявительница указала со ссылкой на практику Суда, что сама стала жертвой обращения, подпадающего под действие Статьи 3, из-за пережитых ею душевных и эмоциональных страданий в связи с исчезновением мужа и в результате бездействия властей. Заявительница подчеркнула, что ее мучения усугубились из-за того, что у нее не было возможности похоронить мужа, хотя незамедлительные похороны очень важны для исламской религиозной традиции. Она также упомянула об ухудшении собственного здоровья в результате перенесенных ею страданий.

140. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего» лица жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 358, 18 июня 2002).

141. В настоящем случае Суд отмечает, что заявительница является женой «исчезнувшего» лица - Шахида Байсаева. Сама заявительница не была очевидцем задержания, но она получила видеозапись, на которой зафиксирована дата задержания ее мужа и которая показывает ее мужа в окружении враждебно настроенных военных. Более шести лет она не получала о нем никаких сведений. В течение этого периода заявительница лично и письмами обращалась в различные официальные органы с запросами о своем муже. Несмотря на предпринятые ею усилия, заявительница так и не получила убедительного объяснения или информации относительно того, что произошло с ее мужем после его задержания 2 марта 2000 г. В ответах, полученных заявительницей, по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание ее мужа либо ей просто сообщали, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2 (см. выше пп. 124-130).

142. В связи с вышеизложенным Суд считает, что заявительница испытывала и продолжает испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения ее мужа и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на ее жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

143. Поэтому Суд делает вывод, что в отношении заявительницы имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

144. В отношении Статьи 5 заявительница утверждала, что Шахид Байсаев был подвергнут не признаваемому государством задержанию, что противоречит принципам Статьи 5 в целом. Статья 5 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

145. Ранее Суд постановил, что не признаваемое властями задержание является полным отрицанием гарантий защиты от произвольного задержания и серьезнейшим нарушением Статьи 5. Учитывая обязанность властей отчитываться за судьбу людей, содержащихся у них под стражей, Статья 5 требует от государства принятия эффективных мер по защите от риска исчезновения и по проведению незамедлительного и эффективного расследования достоверных утверждений о том, что какое-либо лицо было

взято под стражу и после этого его никто не видел (см. *Orhan*, цит. выше, §§ 367-369).

146. Суд считает доказанным, что муж заявительницы был задержан 2 марта 2000 г. федеральными силами и что с тех пор его не видели. Его задержание не было зарегистрировано в каких-либо записях о задержанных и не имеется никаких официальных сведений о его дальнейшем местонахождении и судьбе. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с главной целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

147. Далее Суд считает, что власти должны были понять необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявительницы на то, что ее мужа задержали представители сил безопасности и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Суд отмечает, что заявительница обратилась в соответствующие государственные органы сразу после задержания мужа. Тем не менее приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, в особенности те, что касаются задержек с возбуждением уголовного дела и проведением расследования, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите Шахида Байсаева от риска исчезновения.

148. Соответственно, Суд считает, что Шахид Байсаев был подвергнут непризнаваемому властями лишению свободы при полном отсутствии гарантий Статьи 5 и потому имело место нарушение провозглашенного этой статьей права на свободу и личную неприкосновенность.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

149. Заявительница утверждала, что была лишена доступа к суду, что противоречит положениям Статьи 6 Конвенции. В соответствующей части Статьи 6 говорится:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ...имеет право на справедливое ... разбирательство дела...судом».

150. Заявительница утверждала, что фактически не имела доступа к судебному разбирательству, поскольку исход гражданского иска о возмещении ущерба полностью зависел бы от результатов уголовного расследования исчезновения ее мужа. В отсутствие данных такого расследования ее обращение в суд не было бы эффективным.

151. Правительство оспорило это утверждение.

152. Суд считает, что жалоба заявительницы на нарушение Статьи 6 касается по сути тех же вопросов, которые были рассмотрены в отношении процессуальных аспектов Статьи 2 и Статьи 13. Следует также отметить, что заявительница не представила сведений в доказательство ее намерения обратиться с иском о возмещении ущерба в национальный суд. При таких обстоятельствах Суд считает, что нет оснований отдельно рассматривать нарушение Статьи 6 Конвенции

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3 и 5

153. Заявительница жаловалась, что у нее отсутствовали эффективные средства правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений Статей 2, 3 и 5 Конвенции. Она ссылалась на Статью 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

154. Правительство с этим не согласилось. Оно указало, что в контексте Статьи 13 заявительница имела неограниченный доступ к процедурам на национальном уровне, а именно, доступ суду, компетентному рассматривать ее жалобу в соответствии со Статьей 46 Конституции и другим законодательством.

155. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Учитывая фундаментальную важность прав, гарантированных Статьями 2 и 3 Конвенции, Статья 13 требует, в дополнение к выплате компенсации в соответствующих случаях, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни и за обращение, противоречащее Статье 3, включая фактический доступ истца к следственным процедурам, ведущим к установлению и наказанию виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others*, цит. выше, § 114 et seq.; и *Süheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan* цит. выше, § 384, и *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

156. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статей 2 и 3 эти жалобы явно следует считать "потенциально достоверными" в значении Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, решение от 27 апреля 1988, Series A no. 131, § 52). Следовательно, заявительница должна была иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и к назначению компенсации в соответствии со Статьей 13.

157. Тем не менее, при обстоятельствах, подобных рассматриваемым, когда уголовное расследование исчезновения и вероятной смерти оказалось неэффективным (см. выше пп. 124-130) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, упоминаемый Правительством, Суд считает, что Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

158. Следовательно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции.

159. Что касается жалобы заявительницы на нарушение Статьи 5 Конвенции, Суд ссылается на свой упоминаемый выше вывод о нарушении этого положения. В свете этого Суд считает, что в данном случае нецелесообразно отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции, которая сама по себе содержит целый ряд процедурных гарантий законности задержания.

VII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЕЙ 34 И 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

160. Заявительница утверждала, что непредставление Правительством запрошенных Судом документов, а именно материалов уголовного дела в полном объеме, указывает на несоблюдение обязательств, налагаемых Статьей 34 и 38 § 1 (a) Конвенции. Соответствующие части этих Статей гласят:

«Статья 34

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия».

161. Заявительница обратилась к Суду с просьбой признать Правительство нарушившим свои обязательства в рамках Статьи 38 в связи с отказом предоставить по запросу Суда все материалы уголовного дела (см. выше). Она отметила, что ссылка Правительства на Статью 161 УПК не может служить достаточным обоснованием отказа. По ее мнению, своей реакцией на запрос материалов Судом Правительство также нарушило свои обязательства в рамках Статьи 34.

162. Правительство отметило, что Суду были представлены имеющиеся материалы уголовного дела и другие, относящиеся к делу материалы. Предоставление других документов было бы нарушением Статьи 161 УПК.

163. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999 IV). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или в соответствии со своими общими обязанностями рассматривает жалобы. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и поставить под вопрос соблюдение Государством его обязательств по Статье 38 § 1 (a) Конвенции (см. *Timurtas v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

164. Согласно ряду принципов, сформировавшихся в его практике, Суд считает, что непредставление информации, имеющей ключевое значение для установления фактов, может служить основанием для отдельного вывода относительно соблюдения Статьи 38 Конвенции. В случае, когда жалоба указывает на серьезные противозаконные действия агентов Государства и ставит под вопрос адекватность расследования, материалы уголовного дела имеют фундаментальное значение для установления фактов, а отсутствие таких материалов препятствует тщательному рассмотрению жалобы Судом.

165. В настоящем случае Правительство в ответ на коммуникацию жалобы предоставило примерно одну треть материалов дела. В декабре 2005 г. Суд объявил жалобу приемлемой и повторил просьбу о предоставлении всех материалов дела. Суд также попросил Правительство сообщить о ходе

расследования за период с марта 2004 г. В марте 2006 г. Правительство представило решения о приостановлении и возобновлении производства по делу, принятые в период с марта 2004 г. по февраль 2006 г. (см. выше п. 58).

166. Суд, во-первых, отмечает, что положения ст. 161 УПК РФ, на которую ссылается Правительство, не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Правительство не указало, какого рода эти документы, а также основания, по которым они не могут быть предоставлены (см. аналогичные выводы в *Mikheyev v. Russia*, по. 77617/01, § 104, 26 января 2006). Суд также указывает на некоторые рассматриваемые Судом сходные жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ предоставило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia* цит. выше, § 46; *Magomadov and Magomadov v. Russia (dec.)*, по. 58752/00, 24 ноября 2005 г.). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

167. Суд указывает, что упоминаемое выше обязательство в рамках Статьи 38 Конвенции содействовать Суду в расследовании по факту жалобы возникает с момента объявления жалобы приемлемой. Отмечая, что Правительство не выполнило просьбу и не предоставило почти никаких материалов дела после принятия решения о приемлемости, Суд делает вывод, что в отношении предоставления запрошенных Судом документов имело место нарушение статьи 38 Конвенции.

168. Что касается Статьи 34 Конвенции, ее главная цель – обеспечить эффективный механизм реализации права на подачу индивидуальных жалоб. В данном случае отсутствуют указания на какие-либо помехи в реализации права заявительницы на подачу жалобы - как в форме препятствования общению между заявительницей и Судом или представлению дела заявительницы перед институтами Конвенции, так и в форме недопустимого давления на заявительницу. Суд придерживается мнения, что непредставление полного набора запрошенных документов не дает основания отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 34, тем более что Суд, как это следует из цитируемой выше прецедентной практики, рассматривает свои решения как своего рода *lex generalis* в отношении положений Статьи 38, прямо обязывающей Государства сотрудничать с Судом.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

169. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

170. Заявительница потребовала возмещение ущерба за потерю заработков ее мужа с момента его исчезновения. По этому основанию она запросила компенсацию в сумме 33 448 рублей (968 евро).

171. Заявительница указала, что ее муж был кормильцем семьи и что значительная часть его заработков тратилась на нужды трех младших детей в

семье, не достигших 18 лет. Заявительница исходила из того, что на каждого ребенка тратилось бы 25% заработков Шахида Байсаева. Их младшему ребенку исполнилось 18 лет в августе 2005 г.

172. Она заявила, что ее муж работал механиком Старопромысловского транспортного управления и в год зарабатывал 19 200 рублей. Она предположила, что он продолжал бы там работать до закрытия Управления в марте 2001 г. и зарабатывал бы 19 584 руб. с учетом среднего уровня инфляции в размере 12%. Муж заявительницы также получал в марте 2000 г. пенсию в размере 457 руб., а впоследствии размер этой пенсии был увеличен. Заявительница подсчитала, что за период до августа 2005 г. его доход от получения пенсии с учетом инфляции составил бы 5 637,74 руб. Заявительница предположила, что она могла бы рассчитывать на получение 75% будущего заработка мужа (14 688 руб.) и соответственно, на 75%, 50% и 25% его пенсии (18 800 руб.) до достижения детьми совершеннолетия.

173. Заявительница также запросила компенсацию в размере 1000 дол. США (764 евро), уплаченных ею за видеопленку с записью задержания ее мужа.

174. Правительство сочло эти претензии гипотетическими и необоснованными. В отношении 1000 дол. США Правительство указало на то, что заявительница заплатила эту сумму по собственной воле и власти не должны нести ответственность за ее действия.

175. Суд повторяет, что между требуемой заявителем компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков (см., помимо др. источников, *Çakıcı v. Turkey [GC]*, по. 23657/94, § 127, ECHR 1999 IV). Учитывая сделанные выше выводы, несомненно, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении мужа заявительницы и потерей заявительницей и ее детьми финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить. Суд признает, что потеря заработков также относится к иждивенцам, а поэтому считает разумным предположить, что муж заявительницы имел бы заработки, а заявительница получала бы пользу от них. Суд также видит прямую причинно-следственную связь между нарушениями, признанными в данном деле, в особенности отсутствием эффективного расследования, и принятым заявительницей в определенный момент решением заплатить значительную сумму денег за вещественное доказательство, непосредственно относящееся к обстоятельствам задержания ее мужа.

176. Учитывая доводы заявительницы, Суд присуждает ей компенсацию материального ущерба в размере 1 732 евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

2. Возмещение морального вреда

177. Заявительница потребовала 80 000 евро в качестве компенсации морального вреда за страдания, причиненные ей потерей мужа, безразличием властей, непредставлением с их стороны какой-либо информации о судьбе ее мужа, а также невозможностью его похоронить. Она указала и на то, что ее дети потеряли отца, а ее собственное здоровье серьезно пошатнулось в результате эмоционального стресса.

178. Правительство сочло запрошенную сумму компенсации чрезмерной.

179. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в отношении не признаваемого властями задержания и предполагаемой смерти мужа заявительницы от рук представителей власти. Сама заявительница была признана жертвой нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении перенесенных ею душевных страданий. Поэтому Суд признает, что ей был причинен

моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Принимая свое решение на равноправной основе, как этого требует статья 41 Европейской Конвенции, Суд присуждает заявительнице 50 000 евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Судебные издержки и расходы

180. Заявительницу представляли юристы организации SRJI. Она предъявила перечень понесенных издержек, включая расходы на исследования в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Европейский Суд и в государственные органы власти, по ставке 50 евро в час для рядовых юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI.

181. Заявительница потребовала 12 993,09 евро в оплату издержек и расходов, связанных с представлением ее законных интересов. К ним относились:

- 4 200 евро за подготовку и перевод жалобы в ЕСПЧ;
- 150 евро за предоставление и расшифровку видеопленки;
- 2 625 евро за подготовку и перевод ответа заявительницы на меморандум Правительства;
- 3 525 евро за подготовку и перевод ответа заявительницы после принятия ЕСПЧ решения о приемлемости;
- 1 174 евро в связи с переводом материалов и ответов заявительницы;
- 250 евро в связи с подготовкой юридических документов для подачи в национальные правоохранительные органы;
- 316,70 евро на почтовые расходы;
- 752,50 евро на административные расходы (7% от судебных издержек);

182. Правительство не оспаривало отдельные пункты сметы, поданной заявительницей, но указало, что сумма является завышенной для некоммерческой организации, какой является представляющая заявительницу SRJI.

183. Суд должен установить, во-первых, были ли фактически произведены расходы и издержки, указанные заявительницей, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995, Series A no. 324, § 220).

184. Суд отмечает, что согласно контракту, подписанному заявительницей 16 октября 2005 г., она приняла на себя обязательство оплатить своим представителям их расходы и издержки, связанные с представлением ее интересов в Суде после вынесения Судом окончательного решения по настоящей жалобе и оплаты Российской Федерацией судебных издержек, если таковые будут присуждены Европейским Судом. Установленные ставки оплаты соответствовали 50 евро в час для рядовых юристов SRJI и 150 в час для старших сотрудников SRJI и привлеченных специалистов, плюс 7% на административные расходы. Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявительницы.

185. Кроме того, Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные заявительницей в связи с ведением ее дела, были необходимы. Суд отмечает, что дело было относительно сложным, содержало

большое количество подтверждающих документов и требовало определенных предварительных исследований и подготовки.

186. При данных обстоятельствах и учитывая детализацию требований, поданных заявительницей, Суд присуждает ей запрашиваемую сумму 12 994 евро плюс НДС, если он начисляется на данную сумму.

С. Выплата процентов

187. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части исчезновения Шахида Байсаева;

2. Постановляет, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Шахида Байсаева;

3. Постановляет, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в части необеспечения защиты мужа заявительницы от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения;

4. Постановляет, что нет оснований отдельно признать нарушение Статьи 3 Конвенции в части расследования жалоб на жестокое обращение;

5. Постановляет, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;

6. Постановляет, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Шахида Байсаева;

7. Постановляет, что нет оснований отдельно признать нарушение Статьи 6 Конвенции;

8. Постановляет, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 2 и 3 Конвенции;

9. Постановляет, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 5;

10. Постановляет, что имело место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции;

11. Постановляет, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу заявительницы о нарушении Статьи 34 Конвенции;

12. Постановляет,

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявительнице следующие суммы:

(i) 1 732 евро (одна тысяча семьсот тридцать два евро) в возмещение материального ущерба в рублях по курсу на дату выплаты;

(ii) 50 000 евро (пятьдесят тысяч евро) в возмещение морального вреда в рублях по курсу на дату выплаты;

(iii) 12 994 евро (двенадцать тысяч девятьсот девяносто четыре евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей заявительницы в Нидерландах;

(iv) любых налогов, которые подлежат уплате с вышеуказанных сумм.

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 5 апреля 2007 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Кристос Розакис
Председатель